

0828 Глава Линь Zhongzi Этот голос был низким и имел странное магнитное качество, давая людям немного загадочное чувство, как голоса тех древних богов внутри игры для одного игрока.

Нин Тао внезапно повернулся, и во дворе, окруженном бамбуковым забором, стоял мужчина средних лет.

Мужчина средних лет был одет в одежду Yi, черную, с узкими рукавами, украшенную кружевами блузку с правой грудью, под которой были плиссированные широкие брюки для ног. На вершине головы находится локон волос длиной около трех дюймов, который является "Небесной Бодхисаттвой", местом, где духи проявляются и не могут быть тронуты. Локон волос был обернут в зеленый тюрбан, на ушах были натянуты красные серьги с красными шелковыми нитями, а лицо было белое.

Нин Тао также был несколько удивлен услышанным голосом, мужчина И должен быть стариком, не менее шестидесяти или семидесяти лет, но только когда он увидел его, он нашел другую партию такой молодой. Однако, этот человек мог бы усовершенствовать Дан, который был бы культиватором, и это было бы неуместно для представления обычного человека о возрасте, чтобы использовать его на культиваторе. Например, Цин Чейз, более трехсот лет - это всего лишь девочка-подросток, но и называют его братом Нин, перед этим человеком несколько сотен лет не удивительно.

Человек И посмотрел прямо на Нин Тао, и через несколько секунд, уставившись друг на друга, сказал: "Этот даосский друг, зачем ты одолжил тело птицы, чтобы приехать к месту жительства Цзяна? И ты клевал на мою подоконник, знаешь ли ты, что это масляная бумага, которую я делал древним способом из бумаги, используя тончайший золотой бамбук?"

"Кто ты?" Нин Тао спросил инстинктивно, но как только слова вышли наружу, они стали "Кирк"?

"Оказалось, что это соловей, может, я ошибаюсь?" Человек Yi пробормотал к себе, и в его глазах промелькнул озадаченный блеск божественного света.

Нин Тао воспользовалась возможностью взлететь, переступила через крышу и приземлилась на бамбуковое дерево, затем вырвала горло и крикнула: "Цинь Чжуй, Цзин, иди сюда, что-то не так!"

Это была, конечно, еще одна струна пения птиц, и я удивляюсь, если Цин Чжуй и Бай Цзин могли слышать это.

Нин Тао думал о том, чтобы немедленно вернуться к своему телу, но как только ребенок покинул тело соловья, его обязательно обнаружил мужчина И, и теперь казалось, что мужчина И тоже не был уверен в том, что у соловья есть тело ребенка. Так что я позвал сюда Цин Чжуй и Цзин Цзин Бая, чтобы они могли разыграть трюк и позаботиться друг о друге.

Человек И посмотрел на Нин Тао, полсекунды наблюдал за ним и спросил: "Ты настоящая птица или человеческая птица"?

Эта фраза чуть не заставила Нинг Тао посадить бамбуковую ветку.

Человек или птица?

Это проклятое слово или свидетельство?

Человек Йи прощупывал его руку, и камень влетел в его руку.

Нин Тао внезапно напрягся, он не мог видеть, что эта культивация Духовной Силы и аура машины, которая могла бы скрыть все тело без капель, ее сила была по крайней мере сопоставима с Wu Yue. Если бы этот человек И убил его с камнем в руке, он не смог бы убежать. Он должен был бы покинуть тело соловья, или он должен был бы страдать от смертельного опыта, который повредит его энергии.

Человек И не сразу стряхнул с себя камень, чтобы убить Нин Тао на бамбуковой ветке, и сказал еще раз: "Я дам тебе последний шанс, выходи, или я убью тебя!".

Но как раз в это время еще два соловья перелетели и приземлились на ту же самую бамбуковую ветку.

Бай Цзин и Цин Чжуй услышали звонок Нин Тао и поспешили.

Человек И холодно засмеялся: "Вчера один ушел, сегодня пришли еще трое, вы действительно думаете, что это овощной рынок, вы можете приходить и уходить, когда захотите? Или это издевательство, что никто здесь не может тебя остановить?"

Как раз сейчас, когда приехали Цин Чжуй и Бай Цзин, он, кажется, установил, что эти три соловья были не настоящими птицами, а человеческими.

Это также небольшая ошибка, сделанная Нин Тао, так как Бай Цзин и Цин Чжоу смогли выбраться из тела только тогда, когда они прошли через барьер на этот раз.

Нинг Тао сказал: "Этот человек могущественен, нас обнаружили".

Уайт сказал: "Это нелегко, убей его".

Цин Чжоу сказал: "Сначала я вернусь, потом приду и истреблю рот этого парня".

Нин Тао поспешно призвал остановить ее: "Не торопись пока с рукой, он только что сказал, что только вчера ушел, возможно, что это У Юэ, прислушиваясь к его тону, он, кажется, думает о У Юэ, как о всем, просто означает, что этот человек не в сговоре с У Юэ, не враг".

"У него в руке камень, чтобы поразить нас, а не врага?" Очевидно, что Бай Цзин хотел ее убить.

Она и Цин Чжуй - демоны, в конце концов, даже если змея превращается в дракона, она все равно является демоном, демоном, и это судьба, чтобы причинить вред людям.

Нинг Тао сказал: "Вы, ребята, возвращайтесь первыми, я останусь здесь и присмотрю за ним, вы, ребята, просто приведите меня сюда".

"Хорошо!" Бай Цзин и Цин Чжуй ответили одновременно.

Две самки, сидевшие на бамбуковой ветке, внезапно пошатнулись, и упал один каблук.

В одно мгновение ветер демона бамбукового леса был в полной силе. Завядшие листья и бамбуковые побеги раковин, разбросанных в бамбуковом лесу, были сметены ветром, и пустота

кружилась вокруг, даже принимая форму дракона!

Лицо человека Үі изменилось мгновенно, его лицо было бледным, и спокойствие и уверенность в себе он чувствовал только что был сметен, заменив его нервозность и трепет.

Дракон, это божественное чудовище!

Более того, появляются сразу два дракона!

Нинг Тао закричала: "Вы двое просто уходите, зачем вы ее пугаете? Хватит нести чушь, возвращайся и дай пятьсот отшлепать человека!"

Два демонических ветра, похожих на драконов, мгновенно рассеиваются, и во дворе проливается пятно бамбуковых листьев и бамбуковые ракушки, раскидывающие толстый слой.

Человек Үі стоял во дворе с деревянной резьбой, много бамбуковых листьев приклеены к его волосам и телу, и его глаза смотрели на Нин Тао, полный бдительности и нервозности в его глазах, как если бы он был врагом. Очевидно, он знал, что те два младенца Дракона Юаня вернулись, и этот человек-птица остался здесь, чтобы шпионить за ним.

"Этот даосский друг, мы совсем не знаем друг друга, так зачем нам толкать друг друга?" Люди И нарушили короткую тишину.

Упавшие соловьи оба пробудились и трепетали крыльями.

Один из них бросился к Нин Тао и несколько раз закричал, и в голове Нин Тао прозвучал хрустящий птичий шепот: "Эй! Глупая птичка, да ладно, этот парень пытается тебя ударить, а ты просто стоишь и ждешь, когда тебя сфотографируют?"

Нинг Тао: "....."

"Не обращай внимания, пойдем ловить жуков, я знаю место, где жуки толстые и большие." Другая птица сказала.

Нинг Тао: "....."

Есть язык зверя и язык птицы, и правда этого утверждения не обманчива.

Но если он не был одержим этим соловьем, как он мог понять такой антропоморфный птичий разговор?

Кроме того, после десятилетий реформ и открытий птицы шли в ногу со временем и до сих пор умеют фотографировать!

"Даоисты, чего именно вы хотите?" Человек И снова заговорил.

Нинг Тао сказал: "Я скажу это, и ты не поймешь".

Как только он сказал это, человек И сказал: "Конечно, я могу понять".

"А?" Клюв Нинг Тао закрыт.

Человек И сказал: "Цзян Сяодун, известный как Линь Чжунцзы, с детства знал язык птиц и животных, а также научился некоторым алхимическим искусствам. Он практиковался в этом

глубоком горном лесу, и никогда не нажил себе врагов.

Нин Тао внезапно опозорился, потому что вспомнил, что перед Цзян Сяодуном, средним ребенком леса, он сказал, что собирается отшлепать Цинь Чжуня и Бай Цина. Он думал, что Цзян Сяодун не понимает, но не ожидал, что он поймет.....

"Если Цзян Моу сделал что-то не так, все приходит к Цзян Моу, но если он хочет издеваться над людьми своей властью, Цзян Моу ничего не боится". Цзян Сяодун сказал.

Нин Тао полетел с бамбуковой ветки на крышу травяной хижины, ближе к Цзян Xiaodong, перед открытием птичий клюв сказал: "Цзян Даоист друга вы не поймете неправильно, мы просто гонимся за женщиной Даоист друга, чтобы приехать сюда, юань ребенка на птицу люди просто не хотят бить траву, чтобы напугать змею". Я нашёл это место, понюхал дан ци, но никого не видел в доме, так что мне захотелось зайти и посмотреть, и я не ожидал, что ты вернёшься. Пожалуйста, простите нас за то, что мы пришли так внезапно, чтобы прервать культивирование даосского Цзяна".

"Ты здесь ради женщины?" Цзян Сяодун сказал ориентировочно.

Нин Тао сказал: "Да, если Даосист Цзян знает, пожалуйста, тоже сообщите".

Цзян Сяодун сказала: "Я не знаю, она приходила и уходила, я ничего не знаю, вы идите".

Это явно неправда.

У Юэ не нашел бы это место без всякой причины, даже если бы он просто спросил дорогу, тогда он должен был знать, в каком направлении пошел У Юэ, и не могло быть, что он ничего не знал. Однако, это небольшая проблема, когда он не говорит.

Как раз в это время три фигуры наступили на бамбук, а Цинь Чжунь все еще носил на спине мужчину. Образ трех женщин, прыгающих на бамбуковой вершине дерева, наполнен висцеральным ощущением Крадущегося Тигра, Скрытого Дракона. Оба тела как будто не имеют веса, и они легкие и живые, как Белый Цинь Цинь-Хао Цзян-Хао. И бамбук, на который наступил Цзян Хао, без всяких исключений, замерз, и никто не знал, сколько времени понадобится, чтобы растаять.

На крыше соломенной хижины соловей закрыл глаза.

На спине Цинь Чжоу Нин Тао открыл глаза.

Три женщины упали во двор в треугольник, который окружал Цзян Сяодуна посередине.

Холодная аура висела над телом Цзян Хао, когда лед на земле быстро распространился.

У Бай Цина и Цинь Чжоу были примерно такие же изменения, их глаза были золочены, а чешуя дракона вышла из их кожи.

Три женщины пришли в состояние боя, этот бамбуковый лес внезапно наполнился аурой убоя.

Кто бы ни подёргивал струны дважды в это время, боюсь, это будет иметь оттенок засады с десяти сторон.

Цзян Сяодун напрягся: "Ребята... чего вы хотите?"

Нин Тао слез с Цинь Чжоу и сказал: "Вы все собрали, как вы можете просить о таких вещах?"

На этот раз три женщины отказались от своей боевой позиции, но треугольный конверт - нет.

Нин Тао подошел к Цзян Сяодуну: "Даосист Цзян, мне очень жаль, что я так внезапно пришел. Все трое - мои жены, Цинь Чжуй, Бай Цзин и Цзян Хао, меня зовут Нин Тао, и мой дао номер - Бу Сунь Синьцзюнь, мы неплохие люди".

Цзян Сяодун уставился на Нин Тао и замер на полминуты до того, как вышло предложение: "Ты..... Нин Тао?".

В углу рта Нин Тао появился намек на смех: "Это я, интересно, где даосист Цзян услышал обо мне?".

<http://tl.rulate.ru/book/29303/874720>